

Антона Бутиловича.

5825/10

Общественный язык,

въ ряду другихъ общихъ языковъ

древней и новой

ЕВРОПЫ.

Томъ II.

ВАРШАВА.

Въ типографии Марии Земкевичъ,
Краковское-Предмѣстье N 17.

1892.

ДРУГІЯ СОЧИНЕНІЯ И СТАТЬИ АВТОРА КНИГИ.

1. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. СПБ. 1869.
2. Сербія и Сербы въ періодъ возрождения (по поводу соч. Н. Попова: *Россія и Сербія*). СПБ. 1870.
3. Ломоносовъ, какъ писатель. СПБ. 1871.
4. Не былъ ли православнымъ человѣкомъ Иеронимъ Пражскій? Въ Христ. Чт. за 1871 г.
5. Изслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по рукописи Ипп. Пуб. Библ. XI вѣка. СПБ. 1871.
6. Важнѣйшия моменты югославянской исторіи (по поводу соч. Е. Голубинскаго, Исторія церкви болгарской, сербской и румынской). Въ Ж. М. Н. Пр за 1872.
7. Нѣсколько замѣчаній о польскомъ вопросѣ, съ точки зрѣнія всеславянской. Въ Рус. Мысли за 1872 г.
8. Очерки исторіи литературы: сербо-хорватской, хорутанской, словенской, лужицкой и польской. СПБ. 1873 (въ изд. Н. Гербеля: *Поэзія Славянъ*).
9. Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная. Въ Ж. М. Н. Пр. за 1874 г.
10. Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
11. Очеркъ современного положенія Черной Горы. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
12. О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ. СПБ. 1875 (въ I т. Слав. Сборн.).
13. Статистическія таблицы распределенія славянъ по народностямъ, государствамъ, азбукамъ, нарѣчіямъ и вѣроисповѣданіямъ, съ объяснительной запискою. СПБ. 1875.
14. XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ, по рукописи Ипп. Пуб. Библ. XI въ Критико-палеографическое издание. СПБ. 1875.
15. Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра. СПБ. 1877 (въ III т. Слав. Сборн.).
16. Очерки изъ сербской исторіи: I. Паденіе сербскаго царства; II. Возрожденіе сербскаго народа; III. О взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ русскаго и сербскаго. СПБ 1877 (въ III т. Слав. Сборн.).
17. О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени. СПБ. 1877. (въ III т. Слав. Сборн.).
18. Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. Кіевъ 1877 (въ Извѣст. Инст. кн. Безбородка).
19. Первобытные Славяне, въ ихъ языке, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Вып. 1. 2. 3. Кіевъ 1878 — 1881.
20. Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ хорватской исторіи XVII в. Кіевъ 1879 (въ Изв. Инст. кн. Безбородка).
21. О Янѣ Непомуцкому. Варш. 1879 (въ Холмско-Варш. Епарх. Вѣдом.).

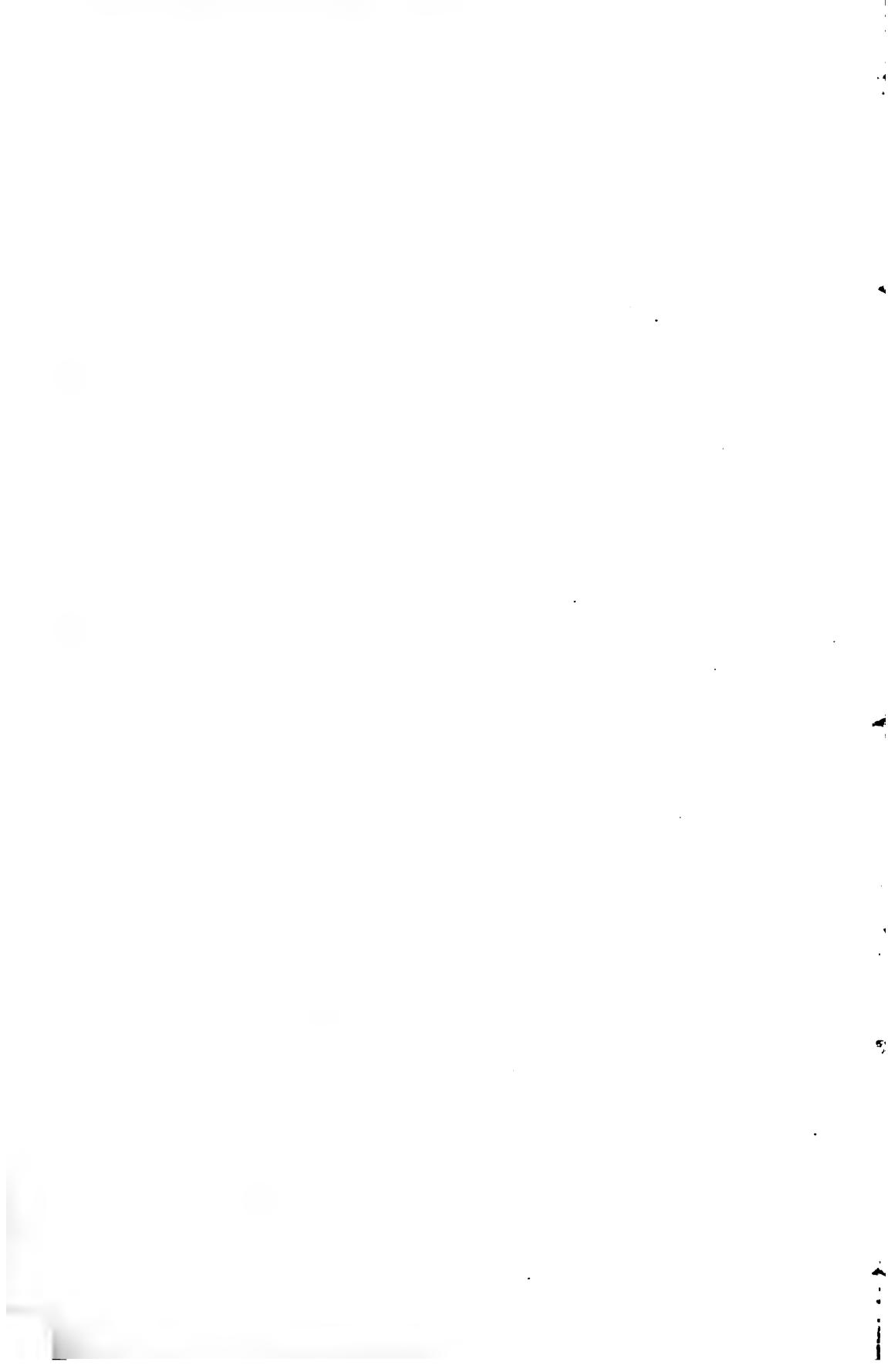
ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКЪ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

Е В Р О П Ы.

Томъ II.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫКъ,

ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ОБЩИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ

Е В Р О Н Ы.

СОЧИНЕНИЕ

АНТОНА БУДИЛОВИЧА.

УВЪЛЧАНО ПЕРВОЮ КИРИЛЛО-МЕСОДИЕВСКОЮ ПРЕМІЕЮ

И ИЗДАНО ИЖДИВЕНІЕМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРІТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ II.

Зарожденіе общаго языка
на славянскомъ востокѣ.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Марії Земкевичъ,
Краковское-Предмѣстье, №. 17.

1892.

3282.515 (2)

Печатано по определению Совета Императорского Варшавского Университета.

Ректоръ И. Щелковъ.

ЧАСТЬ II.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМЪЧАНІЯ.

Рассмотрѣвъ образованіе семи главныхъ общихъ языковъ древней и новой Европы и установивъ основныя условія, при которыхъ они обыкновенно возникаютъ и развиваются, мы перейдемъ теперь, во второй части настоящаго сочиненія, къ изученію того же исторического явленія въ средѣ славянъ. Методъ и основные вопросы этого изученія останутся прежніе, ибо образованіе языка общеславянскаго не представляетъ чего либо исключительного въ исторіи человѣчества, а совершается въ тѣхъ же условіяхъ и по тѣмъ же законамъ, какъ образованіе языковъ общегреческаго, общелатинскаго и др. вышеразсмотрѣнныхъ. Разница заключается лишь въ томъ, что оборотъ этого явленія въ средѣ славянской не только не завершился, какъ въ языкахъ греческомъ или латинскомъ, но даже не для всѣхъ ясно обозначился, напоминая въ этомъ отношеніи языкъ итальянскій до Аристотеля или немецкій до Опинца. Намъ придется, следовательно, изучать общеславянскій языкъ не въ наличности, а въ генезисѣ, и притомъ въ довольно ранній, зародышный, такъ сказать, періодъ его развитія. И тутъ мы встрѣтимъ борьбу тѣхъ же естественныхъ, общественныхъ и личныхъ силъ, развивающихся то въ центростремительномъ, то въ центробѣжномъ направленияхъ, но борьбу еще не законченную ни въ мірѣ явленій, ни въ сознаніи людей. Изученіе феномена въ такомъ пе-

ріодѣ соединено съ особыми затрудненіями—въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчается при изученіи новооткрытой кометы астрономъ, не знающій еще ни быстроты и времени ея движения, ни эксцентричности эллипса. Но затрудненія эти значительно ослабляются, если мы станемъ изучать оборотъ общеславянскаго языка въ ряду другихъ аналогическихъ явленій, памятуя при этомъ и основные законы этнографии, соціологии и филологии.

Точкою отправленія при этомъ будетъ картина нынѣшихъ діалектическихъ отношеній славянства, въ его дробленіи по нарѣчіямъ, разнорѣчіямъ, говорамъ, причемъ мы попытаемся опредѣлить ихъ относительный возрастъ и отмѣтить преобладающее направление ихъ внешняго и внутренняго развитія. Затѣмъ мы разсмотримъ попытки образования общихъ языковъ на славянскомъ югѣ, западѣ и востокѣ, на почвѣ діалектовъ — болгарскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго и русскаго, прослѣдимъ судьбу этихъ діалектовъ въ роли общихъ языковъ, выяснемъ въ причинахъ ихъ историческихъ успѣховъ и неудачъ, и опредѣлимъ относительные размѣры ихъ нынѣшихъ силъ. Эти указанія исторіи послужатъ читателю критеріемъ для оценки теоретическихъ сужденій объ общемъ языке славянъ, начиная съ Юрия Крижаница и до нашихъ дней. Въ послѣдовательности мы изложимъ свой взглядъ на этотъ предметъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Діалектическая отношенія славянъ.

Народъ, столь многочисленный и распространенный какъ славяне, въ сто-милліонномъ множествѣ занимающій то самъ по себѣ, то въ смышеніи съ другими народами, чутъ не шестую часть суши, на протяженіи отъ Чешскаго лѣса и Норическихъ Альпъ до Великаго океана и отъ Новой земли до Архипелага и „стѣнъ недвижнаго Китая“, — такой народъ не можетъ не дробиться на множество нарѣчій, разнорѣчій и говоровъ, тѣмъ болѣе, что ни церковь, ни государство, ни литература не объединили еще прочно всѣхъ его вѣтвей, какъ это случилось со многими другими народами старой и новой Европы.

Все разнообразіе новославянскихъ говоровъ можно свести къ тремъ основнымъ группамъ: А. восточной, Б. южной и В. западной.

Къ первой принадлежать многочисленныя вѣтви русскаго народа, занимающаго обширную область отъ средней Вислы и верхней Тисы до Камчатки и Сахалина, а отъ тундръ съвера до склоновъ Паропамиза; ко второй — славяне задунайскіе, населяющіе весь почти Балканскій полуостровъ, съ прилегающими угорскими и подальпійскими землями, отъ Варны и Бургаса на востокѣ до о. Виса (Lissa) и р. Сочи (Isonto) на западѣ, а отъ озеръ Блатенскаго и Целовецкаго на съверѣ до подножій Пинда и Аеона на югѣ; къ третьей наконецъ — уцѣлѣвшія вѣтви славянъ привислянскихъ, пріодерскихъ, прилабскихъ, съ примыкающими къ нимъ съ юга поморавцами, поважцами,

погронцами, ипольцами, отъ кашубскаго Поморья на сѣверъ до горъ Фатры на югъ и отъ устья р. Саны на востокъ до Дамажлицкихъ (Taus) воротъ на западъ.

Въ смыслѣ діалектическѣй группы эти подраздѣляются на слѣдующія нарѣчія и поднарѣчія:

А. 1) нарѣчіе великорусское, съ разнорѣчіемъ бѣлорусскимъ;

2) нарѣчіе малорусское, съ разнорѣчіемъ червонорусскимъ.

Б. 3) нарѣчіе болгарское, съ разнорѣчіемъ македонскимъ;

4) нарѣчіе сербское, съ разнорѣчіемъ хорватскимъ;

5) нарѣчіе словинское, съ разнорѣчіемъ резьянскимъ.

В. 6) нарѣчіе чехо-моравское, съ разнорѣчіемъ словенскимъ;

7) нарѣчіе верхнелужицкое (мильчанское), съ разнорѣчіемъ нижнелужицкимъ;

8) нарѣчіе польское, съ разнорѣчіемъ кашубскимъ.

Каждое изъ этихъ восьми нарѣчій съ такимъ же числомъ соподчиненныхъ разнорѣчій можетъ быть подраздѣлено еще на большее или меньшее число говоровъ, какими являются напримѣръ:

1) въ нарѣчіи великорусскомъ: окающіе (на сѣверо-востокѣ) и акающіе (въ серединѣ и на юговостокѣ): къ послѣднимъ довольно близко примыкаетъ и разнорѣчіе бѣлорусское;

въ нарѣчіи малорусскомъ: говоры чернорусскіе (Подляшье и Полѣсье) и украинскіе (на юговостокѣ); въ разнорѣчіи червонорусскомъ: говоры подольско-волынскіе, галицкіе и подкарпатскіе;

2) въ нарѣчіи болгарскомъ: говоры подбалканскіе или єракомизійскіе и шопскіе (въ Западной Болгаріи), рупаланскіе (въ южной Ѣракіи и восточной Македоніи¹⁾) и помацкіе (на границахъ Ѣракіи и Македоніи); въ разно-

¹⁾ Ср. Archiv für Slavische Philologie, пр. Ягича, VII, 320 сл.; VIII, 96 сл.

рѣчіи македонскомъ: говоры восточные (демиргиссарскій и др.), южные (солунскій, костурскій и др.), западные (охридскій, дебрскій), серединные (битольскій, штипскій);

3) въ нарѣчіи сербскомъ или штокавщинѣ: говоры екавскіе (на востокѣ: ресавскій и др.), іекавскіе (на югѣ: герцеговинскій и др.), икавскіе (на западѣ: тутъ босенскій, далматинскій, славонскій и др. ¹⁾);

въ разнорѣчіи хорватскомъ: говоры чакавскіе (на юго-востокѣ) и кайкавскіе (на сѣверозападѣ);

4) въ нарѣчіи словинскомъ: говоры доленскій, нотранскій, горенскій (въ Крайнѣ), хорутанскіе (зильскій и др.), штирийскіе, угрословинскіе (замурскіе и др. ²⁾);

5) въ разнорѣчіи словенскомъ: говоры серединные, восточные (русско-словенскіе) и западные (моравско-словенскіе);

въ нарѣчіи чешскомъ: говоры южные (собственно-моравскіе, съ подраздѣленіемъ на западные и восточные ³⁾), восточно-чешскіе (подсудетскіе), серединные (Прага, Хрудимъ, Литомѣрицы) и западные (подшумавскіе);

6) въ нарѣчіи верхнелужицкомъ: говоры будышинскій, любійскій, голянскій;

7) въ нарѣчіи польскомъ: говоры слезскіе, великопольскіе, мазовецкіе, малопольскіе.

При живыхъ сношеніяхъ славянъ эта діалектическая дробность ослабляется нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что въ узлахъ соприосновенія нѣсколькихъ нарѣчій и разнорѣчій существуютъ переходныя формы: русско-польскія (говоры подляшскій, горальскій и лемковскій), русско-словенскія (сатацкій, гемерскій и н. др.), болгарско-сербскія (тимоцкій, сѣверно-македонскій), хорватско-словинскія (кайкавскій), словенско-польскія (сѣверно-оравскій, сѣверно-

¹⁾ Ibid. IX, 456.

²⁾ Ср. Archiv Ягича, XI, 546.

³⁾ Bartoš, Dialektologie Moravská (Brno 1886), принимается въ Моравіи поднарѣчія: словенское, дольское, валашское, ляшское, ганацкое, горацкое и чешское.

липтовскій), чешско-польскія (освѣтимскій, опольскій) и др. Лишь въ двухъ мѣстахъ не находимъ связующихъ звеньевъ: 1. между малорусскимъ и болгарскимъ нарѣчіями, и 2. между словинскимъ и словенскимъ. Они разорваны, кажется, утвержденіемъ волоховъ въ древней Дакіи и мадьяръ въ древней Паннонії. На съверѣ такой же проблѣ замѣчается между разнорѣчіями нижнелужицкимъ и кашубскимъ. Нѣкогда они были связаны говорами полабско-поморскими и ободритскими¹⁾, которые вытравлены впослѣдствіи колонистами сакскими и тюриングскими.

Относительная сила главныхъ нарѣчій выражается въ круглыхъ числахъ слѣдующими цифрами соответствующихъ имъ населеній: русскихъ 75 мил., поляковъ 11 мил., чехоморавянъ со словаками $7\frac{1}{4}$ мил., сербо-хорватовъ до 6 мил., болгаръ до 4 мил., словенцевъ до $1\frac{1}{2}$ мил., серболужичанъ до 150.000, что даетъ въ совокупности до 105 мил. Распределляя эти цифры по діалектическимъ группамъ, получимъ:

А. въ группѣ восточной 75 мил., т. е. приблизительно $71,4\%$;

Б. въ группѣ южной 11,5 мил., т. е. приблизительно 11% ;

В. въ группѣ западной 18,4 мил., т. е. приблизительно $17,6\%$.

Отсюда явствуетъ, что группа восточная или русская болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе обѣихъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ и болѣе чѣмъ въ шестero многолюднѣе непосредственно слѣдующей за нею — польской.

Дробность нарѣчій и говоровъ возрастаетъ слѣдовательно по направленію отъ востока къ западу, въ зависимости отчасти отъ горнаго характера послѣдняго, отчасти же отъ разъѣдающаго дѣйствія иноязычныхъ стихій, особенно нѣмецкой.

Это различіе станетъ еще разительнѣе, если мы всмотримся въ грамматический строй и лексический составъ

¹⁾ Ср. Archiv VIII, 134; ср. 146.

дialektическихъ видовъ и разновидностей славянского востока, юга, запада. Взаимное разстояніе нарѣчій великорусского и малорусского должно бы быть тожественно съ различиемъ нарѣчій болгарского и сербскаго, или чешскаго и польскаго, какъ равностепенныхъ въ классификаціонномъ отношеніи. На дѣлѣ видимъ противное. Оба русскія нарѣчія представляютъ одинъ и тѣ же основы вокализма и консонантизма, ту же акцентуаціонную систему, ту же ступень морфологического развитія, тѣ же категоріи материальныхъ и формальныхъ значеній, тѣ же условія фразеологического и синтаксического сочетанія словъ, за изъятіемъ такихъ второстепенныхъ и частныхъ подробностей, какъ конь—кінь; бѣда—бїда, меня—мэнэ; Иванъ! Иване! буду читать—читати-му и т. п. Совершенно другое видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ нарѣчій болгарскаго и сербскаго, изъ коихъ первое представляетъ вокализмъ крайне глухой, образовавшійся на почвѣ ринезма, второе же — ясный и чистый, вовсе лишенный этой подпочвы; первое имѣеть характерные дифтонги *шт*, *жд* или ихъ замѣны *х'*, *г'*, второе — не менѣе специфические полидифтонги *ѣ*, *ѣ*, переходящіе индѣ въ *ч*, *ш*; система склоненій первого настолько разложилась, что похожа скорѣе на новогреческую, румынскую, пожалуй даже французскую, чѣмъ на сербохорватскую. Отсюда же вытекаетъ и глубокое отличіе связанный болгарской конструкціи отъ вольной сербской, основанной на флексивномъ, а не на позиціонномъ началѣ. Если мы взглянемъ затѣмъ на строй нарѣчій польскаго и чешскаго, то и здѣсь замѣтимъ довольно глубокія различія какъ въ системѣ звуковъ и формъ, такъ равно и въ строѣ предложеній. Польское нарѣчіе имѣеть ринезмъ, чешское не обнаруживаетъ и слѣдовъ его; первое отличается яснымъ и широкимъ тембромъ гласныхъ, второе — глухимъ и узкимъ, съ примѣсью сонантовъ (*р_o*, *л_o*), дифтонговъ, и съ господствомъ высокихъ тоновъ (*e*, *i*) надъ средними (*a*) и низкими (*y*, *o*); первое сохранило сильное, хотя и однообразное (на предпослѣднемъ слогѣ) удареніе экспиративного типа, тогда какъ второе перене-

слово центръ тяжести на долготный отнoшениe гласныхъ, совершенно забытыя въ польскомъ. Въ системѣ согласныхъ польскій характеризуется сохраненiemъ смягченныхъ согласныхъ, которые значительно ограничены въ чешскомъ господствомъ средняго по твердости выговора этихъ звуковъ. Эти различія звуковыхъ отражаются и въ области формъ — гораздо лучшимъ сохраненiemъ флексій въ польскомъ, чѣмъ въ чешскомъ, гдѣ множество окончаний со-винало, подъ дѣйствiемъ уподобленiй, особенно въ мягкихъ основахъ. Фразеология и синтаксисъ польского нарѣчія ме-ниe пострадали отъ вліянія нѣмецкаго, чѣмъ въ чешскомъ, которое въ замѣнѣ того успѣшиe провело систему пу-ризма въ лексикальномъ составѣ, изгнавъ множество вар-варизмовъ, донынѣ запружающихъ не только польскій ли-тературный стиль, но и просторѣчія этого языка.

Если бы мы взяли для аналогіи съ russkimi „нарѣ-чіями“ по одному члену изъ западной и южной группъ, напр. чешскій и сербскій, польскій и болгарскій, или лу-жицкій и словинскій, то само собою понятно, что взаимное разстояніе послѣднихъ было бы еще значительнѣе, особенно въ лексикальной области, которая не менѣе грам-матики сплачиваетъ нарѣчія каждой изъ трехъ группъ, обособляя въ то же время нарѣчія иногруппныя.

Такимъ образомъ, если въ классификационной систе-мѣ мы называемъ нарѣчіями не только сербское и болгар-ское, чешское и польское, но также великорусское и ма-лорусское, то дѣлаемъ это въ видѣ уступки господствую-щему обычью и за отсутствiемъ въ діалектической терми-нологіи названія промежуточнаго между нарѣчіемъ и разно-рѣчіемъ. Будь такое название, оно гораздо точнѣе соот-вѣтствовало бы дѣйствительному отnошению двухъ основ-ныхъ разновидностей восточной группы говоровъ.

При этомъ не лишено значенія и то обстоятельство, что группа А (russкая) занимаетъ серединное положеніе между группами Б и В, которые составляютъ какъ-бы два діалектическихъ полюса славянства. Это отмѣчено еще

Востоковыми въ 1820 г.¹⁾, а затѣмъ усвоено было Надеждинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ и другими нашими языковѣдами²⁾. Они руководились при этомъ грамматическими признаками. Но не менѣе замѣтна эта серединность русскихъ нарѣчій въ средѣ прочихъ славянскихъ и на лексикальномъ ихъ составѣ, который поражаетъ сверхъ того и чрезвычайнымъ обиліемъ русскихъ словъ, составляющимъ навѣрно не менѣе трехъ четвертей коренного запаса словъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ³⁾.

Чѣмъ бы ни объяснять эту серединность русскихъ нарѣчій въ семье славянской, — расположениемъ ли древнѣйшихъ русскихъ областей въ центральной части племенной области, близъ подбескиднаго водораздѣла системъ балтійской (западно-славянской) и черноморской (южно-славянской), или генетическими связями русского народа съ выходцами западными (радимиchi и вятичи?) и южными (сербы и хорваты въ Иллирикѣ?), — самый фактъ этой серединности не подлежитъ сомнѣнію. Онъ имѣть важное значение не только въ этнографіи, но и въ исторической діалектологіи славянъ.

Какъ ни значительна діалектическая разрозненность нынѣшнихъ славянъ, все же нельзя сказать, что она представляетъ нѣчто исключительное въ средѣ другихъ большихъ племенъ. И древніе греки раздѣлены были на множество нарѣчій, разнорѣчій, говоровъ, хотя и менѣе различныхъ между собою, чѣмъ славянскіе. Впрочемъ, греки не были столь многочисленными и разселенными народомъ, какъ славяне. Если же мы возьмемъ древнихъ италиковъ,

¹⁾ „Русскій языкъ составляетъ середину между восточными (читай: южными) и западными діалектами (читай: нарѣчіями) славянскими“. Востокова А., Філологіческія наблюденія. СПб. 1865 г., стр. 15.

²⁾ См. особенно Максимовича, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1880 г., т. III, стр. 6, 41, 45.

³⁾ Подтвержденіе этого можно найти и въ моемъ труда: Первобытные славяне, въ ихъ языкахъ, бытѣ и понятіяхъ, Кіевъ 1872 г.